

СОЗД

И ПОРАЖЕНИЕ —
КАК УРОК

— Вы снялись на нашем «Таллинфильме» в двух картинах — «Бриллианты для диктатуры пролетариата» режиссера Григория Кроманова и «Дознание пилота Пиркса» польского режиссера Марека Пестрака. И если один фильм — случайность, то два — уже традиция. Вам так не кажется?

— Я об этом не думал. Тем более, что к своей собственной работе в «Бриллиантах» отношусь очень критически.

— Почему? На наш взгляд, эта картина — одна из лучших, сделанных на «Таллинфильме».

— С тех пор прошло много времени, но меня не оставляет ощущение, что эта роль могла быть сыграна ярче. Впервые, потому, что из всей семеновской трилогии именно в «Бриллиантах» роль Исаева наиболее бездейственная, здесь нет острого сюжета. Это не «Семнадцать мгновений весны», это не «Пароль не нужен». Вы помните, он приезжает в Ревель и попадает в тюрьму. Никаких динамических событий: встреча с писателем Никандровым и борьба за душу этой заблудшей овцы. Когда мы разговаривали с Григорием Кромановым об этой роли — какой порядочный, интеллигентнейший был человек!

— мы договорились, что Исаев (в картине он Владимир), встречаясь с разными персонажами, сам несколько меняется. Это, в общем-то, имело свое оправдание, потому что я однажды разговаривал с одним нашим контрразведчиком, который мне рассказал, как во время выполнения задания его на улице однажды не узнала жена. И оттолкнувшись от этого рассказа, я предложил Кроманову не менять грим, а искать манеру поведения: со своим отцом он один, с начальником — другой, с подчиненным — третий, с этой девочкой из кабаре — четвертый... Чтобы возник какой-то объем чисто по внешнему рисунку...

— Вы считаете, что этого не получилось?

— В той степени, в какой задумывалось, нет. Кино — это не театр. Спешка, вечный цейтнот, у директора картины горит план...

— Вы так хорошо все помните...

— Когда у меня случается неудача на картине, а эту свою работу я считаю неудачной, то продолжаю ее анализировать и, конечно, запоминаю.

Наш
собеседник —
народный
артист РСФСР
Владимир
ИВАНОВ

— Выходит, что неудачи запоминаются больше, чем удачи?

— Конечно. Когда все нормально — что там помнить? А поражения — как урок.

— Фантастику вы любите? В фантастическом фильме снялись — случайно?

— Я люблю умную фантастику, серьезную. Много читал разных произведений в этом жанре, которые отбили всякий интерес к нему. Ну, а Станислав Лем, по которому снято «Дознание пилота Пиркса», — это классика.

— А этот фильм лично вам понравился?

— Во всяком случае, мне за него не стыдно. Но я снимался еще в одном фантастическом фильме — «Звездный инспектор» — ужасная картина! Вот о нем даже стыдно вспоминать.

— Про «Балладу о солдате» у вас часто спрашивают?

— Более чем! Тридцать лет прошло — уже столько я говорил про этот фильм.

— Неужели хочется о нем забыть?

— Ну, как такое забудешь!

— Но это победа.

— Чухраевская.

— И эта работа вам тоже не нравится?

— Она мне нравится, но на моем месте мог быть любой другой. Моя заслуга заключается только в том, что мне тогда было 19 лет.

— Но, наверное, Чухрай увидел в вас то, что искал.

— Второй курс, никакого опыта — ни жизненного, ни профессионального. Никакого мастерства! Не надо обманывать себя.

— А вам этот фильм, скорее, на пользу пошел или, скорее, во вред?

— Конечно, на пользу. С него все началось, вся биография, вся судьба.

— Судьба счастливо сложилась?

— Знаете, что? Я не могу ответить однозначно. Чему-то я научился (и не чему-то, а очень многому), в начале пути встретившись с этим режиссером. Попадаю в другие



руки — все было бы по-другому. Но так, чтобы уж совсем счастливо? Я снимаюсь не так уж много.

— Почему?

— То, что предлагают, мне уже неинтересно. Массовая, безликая продукция. Я не очень самонадеянный человек, но если в сценарии вижу больше, чем видит режиссер... Понимаете? Предлагаешь одно, второе, третье, грим тот же — это ведь не просто: усы приклеил, усы отклеил... А он: не надо, и это не надо, и то не надо, ничего не надо. Выясняется, что я должен просто выполнить его волю — и все. Делай то, как я хочу. Кому это понравится? Вам это понравится?

— У вас есть идеал режиссера?

— За тридцать лет работы у меня было их столько, что я могу уже как-то просеять. Не люблю режиссеров самонадеянных, тех, которые не стесняемся знать, чего они хотят. Но в кино это невозможно, потому что не знаешь, как это будет снято, какие обстоятельства повлияют в процессе. Мы целиком зависим от партнеров — разные люди, разные школы. А он на все дает тебе три дня — некогда подумать!!! Ненавижу диктаторов, которым все не так: все, что было раньше, — наплевать и забыть, выкинуть из головы, вот так и только так будем делать. Вообще мне сейчас больше нравятся не режиссеры, а процесс. Помню, мы репетировали одну маленькую сцену. И думающий режиссер меня буквально пытал: «Вот объясни мне, пожалуйста... Вы идете с возлюбленной. Если ты чуть сзади, я вижу, что ты ухаживаешь за ней. Если ты на шаг впереди, значит, она тебе безразлична — меняется характер сцены...» Даже такая мелочь важна в драматическом искусстве. И каждая работа — миллион вопросов. Если человек, в частности, режиссер, пренебрегает этим, то и результат соответствующий.

— Как вы считаете, меняется сейчас что-то в нашем кино?

— Что-то меняется. Но из прошлого тянется длинный шлейф. Я же не работник Госкино, не администратор, не искусствовед, не критик. Я пытаюсь для себя как-то объяснить. Всю эту машину невозможно запустить сразу. Очень много талантливых людей, которые долгое время и думали по-другому, и болели совсем другими проблемами, не теми, что было принято. Они набили себе синяки, натерли мозоли, устали, многие деформировались как личности, как художники — все это надо собрать, во всяком случае, дать не мнимую, а подлинную свободу. И еще — как узнать, что сейчас интересно, что нужно публике? В нашем Театре-студии киноактера идет спектакль о Блоке — 20 человек в зале! Разве Блок — не нужен в наше беспокойное время? Почему публику бесконечно нужно бить по мозгам? Почему нокдаун должен быть постоянно? Почему? В прессе, в художественной литературе — такие откровения, что уже пошла какая-то защитная реакция, многие уже не воспринимают. Они воспринимают это как информацию, не участвуя в этом процессе эмоционально. Встречаются: «Читал?» — «Читал». — «Ужасно». — И разбегаются. И тут же забывают о том, что это — ужасно. Потому что души уже обожжены настолько, что перестали — чувствовать! Нужна какая-то мазь, смягчающая, чтобы люди подобрались. Ведь помимо того, что это яростный, это еще и прекрасный мир! Почему ни слова об этом?

— А чисто профессионально чего бы вы сейчас хотели?

— Мы хотим создать ассоциацию актеров, снимающихся в кино, независимую, для защиты наших прав и интересов. Наш артист бесправен! Его фотографиями может располагать любой дилец — наляпать на сумки и продавать за любые деньги. Или: я снимался у Марека Пестрака и получал гроши, а за прокат «Совинфильм» получал огромную сумму. За что? Объясните мне, за что эти чиновники-паразиты получают деньги? А, главное, ассоциация нужна нам для того, чтобы была возможность реализовывать себя, даже мечту свою. Имеешь деньги — ради бога! Хочешь сыграть какую-то роль — заказывай аппаратуру и записывай каскету. Если актер зависит от всех — от режиссеров, от худсовета, от администраторов, — пусть будет у него и возможность зависеть только от своего таланта.

Беседу вели
Элла АГРАНОВСКАЯ,
Этери КЕКЕЛИДЗЕ.